

«Большой террор» 1937–1938 гг. и Русская Православная Церковь¹

На 1937–1938 гг. пришелся пик политических репрессий в СССР. Сначала в зарубежной, а затем и в отечественной историографии за этими событиями закрепилось наименование «Большого террора». Одним из главных направлений этого террора стало искоренение остатков религиозных организаций в СССР, и в первую очередь крупнейшей из них – Русской Православной Церкви.

Несмотря на двадцатилетие массивной атеистической обработки населения уровень религиозности советских граждан к началу 1937 г. оставался достаточно высоким, что наглядно продемонстрировали результаты проведенной тогда переписи. В число задаваемых вопросов был включен вопрос об отношении к религии. Видимо, предполагалось, что преобладающие ответы на него выявят торжество насаждения атеизма в стране. Однако в итоге атеистами записались лишь 42% взрослых граждан (детей об отношении к религии не спрашивали), менее 1% опрошенных смогли уклониться от ответа, а остальные 57% назвали себя верующими, из которых примерно три четверти – православными². При этом очевидно было, что реальный процент верующих в стране значительно выше, поскольку атеизм являлся неотъемлемой частью доктрины правящей большевистской партии и многие опасались открыто признать себя отвергающими ее.

Такая идеологическая «неблагонадежность» значительной части населения не могла не внушать опасений деятелям ВКП(б). Проблема была даже не в предстоящих в декабре 1937 г. всеобщих выборах в Советы, право голоса на которых впервые, в соответствии со «Сталинской Конституцией» 1936 г., получили так называемые «лишенцы», в том числе и духовенство. Власть обладала всеми необходимыми ресурсами (административными, пропагандистскими и др.), чтобы обеспечить нужные ей результаты советских выборов. Однако приближались «выборы» иного рода, сфабриковать результаты которых было невозможно. Мир стоял на пороге Второй мировой войны, фактически (на Дальнем Востоке, например) она уже шла. Не затронуть Советский Союз она не могла. При этом внутренние враги, так называемая «пятая колонна», рассматривались сталинским руководством как опасность не меньшая, чем враги внешние. В этой логике и возникала необходимость «Большого террора», как упреждающего удара по всем потенциально нелояльным коммунистической власти, кто мог в случае большой войны поддержать изнутри ее внешних противников.

Подготовка масштабной кампании репрессий началась практически сразу же после получения засекреченных результатов переписи населения. Важным этапом стал Пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся на рубеже февраля-марта 1937 г. Центральным выступлением на нем стал доклад И. В. Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». С «двурушниками» надлежало вести беспощадную борьбу. При этом о «церковниках» в докладе Сталина речи еще не было. Антираелигиозную тему поднял в своем выступлении другой секретарь ЦК – А. А. Жданов: «...Имеет место известное оживление антисоветских элементов, именно в связи с предстоящими выборами... Попы всех рангов и мастей развивают сейчас очень оживленную деятельность. Есть довольно значительное количество ходатайств из целого ряда краев и областей об открытии закрытых церквей. Известно, что попы внесли сейчас в ЦИК СССР

¹ Выступление на конференции «Священномученик Фаддей, архиепископ Тверской и Кашинский: к 85-летию кончины и 25-летию прославления святого» (Тверь, 26 октября 2022 г.). Доклад подготовлен на основе выступлений автора на конференциях «История страны в судьбах узников Соловецких лагерей» в 2015–2021 гг. с актуализацией некоторых сведений.

² Точные цифры см.: Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов / Сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков. М., 2007. С. 118–119.

проект закона, который развивает в поповском духе известный пункт Конституции относительно свободы совести»³.

Посыл о распространении репрессий на «попов всех рангов и мастей» был подхвачен наркомом внутренних дел Н. Н. Ежовым. Сталин его рвения в этом направлении несколько не сдерживал. 27 марта 1937 г. был выпущен циркуляр НКВД СССР об усилении агентурно-оперативной работы по «церковникам и сектантам», в котором утверждалось, что таковые активизировались в связи с принятием новой Конституции и повели подготовку к выборам в советы, «ставя своей задачей проникновение в низовые советские органы». Предписывались меры, направленные на «выявление и быстрый разгром организующих очагов нелегальной работы церковников и сектантов»⁴.

2 июля последовало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах», предписывавшее НКВД «взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны»⁵. Следствием этого постановления стал печально известный оперативный приказ Ежова № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов», которым перед органами госбезопасности ставилась задача «самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства». Операцию надлежало начать 5 августа 1937 г. и закончить в четырехмесячный срок (то есть аккуратно к предстоящим выборам в советы). В перечне «контингентов, подлежащих репрессии», были указаны «наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, *церковников* и прочих». «Все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов» подлежали «немедленному аресту и, по рассмотрении их дел на тройках, – расстрелу». «Менее враждебные» приговаривались к 8–10 годам лагерей⁶.

Конечно, органы НКВД, даже при наличии отлаженной системы ГУЛАГа, технически не могли репрессировать всех назвавших себя верующими во время переписи января 1937 г. (таковых насчитывалось более 55 млн человек). Но такая задача и не ставилась. Требовалось лишить эти массы верующих их религиозных руководителей. Уничтожить несколько сот епископов было вполне возможно. Сложнее было искоренить многочисленное рядовое духовенство и монашество (здесь шла речь уже о десятках тысяч «антисоветских элементов»), не говоря уже об активных мирянах (на языке НКВД обычно обозначаемых как «церковно-кулацкий актив»). Но большинство из этих «церковников» ранее уже подвергалось репрессиям и состояло на соответствующем учете в органах госбезопасности. Выявить их и провести по ежовскому приказу № 00447 было вполне посылно.

При этом не следует думать, что Ежов в своей борьбе с Церковью проявлял какую-то независимость от Сталина и остального партийного руководства. «Кулацкая операция» НКВД на следующий день после подписания приказа № 00447 получила санкцию Политбюро. Сам Сталин лично давал Ежову прямые указания об ужесточении антицерковного террора. Так, в ноябре 1937 г., после того как главный редактор «Правды» Л. З. Мехлис сообщил ему о влиянии церкви в Белоруссии, глава ВКП(б) написал: «Т[оварищу] Ежову. Надо бы поприжать господ церковников»⁷.

³ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 4–5.

⁴ Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника // Электронный ресурс: http://old.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/xronika.html (дата обращения 20.10.2022).

⁵ Там же.

⁶ Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 1997. С. 349–350.

⁷ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010. С. 272.

В ответ сверхисполнительный нарком потребовал от местных управлений НКВД в течение суток представить в центр материалы о борьбе с «церковниками» за период с августа 1937 г. Вскоре после этого пожелавшему «поприжать» был представлен развернутый отчет о том, что работа в этом направлении ведется самая активная. «В связи с ростом контрреволюционной активности церковников и сектантов, – отчитывался перед Сталиным Ежов, – нами, в последнее время, по этим элементам нанесен значительный оперативный удар». Далее шли подтверждающие цифры. Всего в августе-ноябре 1937 г. Было арестовано 31359 «церковников и сектантов», из которых 13671 приговорили к расстрелу. Архиереев было арестовано 166, 81 из них был приговорен к высшей мере, «попов» – соответственно 9116 и 4629, монахов – 2173 и 934, «церковно-сектантского кулацкого актива» – 19904 и 7004. «Оперативный удар, – похвалялся Ежов, – нанесен исключительно по организующему и руководящему антисоветскому активу церковников и сектантов. В результате наших оперативных мероприятий, почти полностью, ликвидирован епископат православной церкви, что в значительной степени ослабило и дезорганизовало церковь... Вдвое сократилось количество попов и проповедников, что также должно способствовать дальнейшему разложению церкви и сектантов»⁸.

В то же время Ежов признавал, что не во всех республиках, краях и областях антицерковные репрессии были развернуты «в должной мере». Местным управлениям НКВД на этот счет были даны «специальные указания». О том, с каким рвением эти указания выполнялись, можно судить, например, по тому факту, что в Белорусской ССР, положение дел в которой стало поводом для Сталина написать Ежову, что «надо бы поприжать господ церковников», к осени 1939 г. не осталось ни одного легально действовавшего православного храма⁹.

Образ мыслей Ежова хорошо иллюстрируют его слова из выступления 17 февраля 1938 г. перед руководящими работниками НКВД УССР: «Вот возьмите, я не помню, кто это мне из товарищей докладывал, когда они начали новый учет проводить, то у него, оказывается, живыми еще ходят 7 или 8 архимандритов, работают на работе 20 или 25 архимандритов, потом всяких монахов до чертика. Все это что показывает? Почему этих людей не перестреляли давно? Это же все-таки не что-нибудь такое, как говорится, а архимандрит все-таки. (Смех.) Это же организаторы, завтра же он начнет что-нибудь затевать. <...> И в городах у вас продолжают ходить и попы, и архиепископы – очень активная контрреволюция из духовенства»¹⁰. То есть уже только то, что где-то еще оставались в живых архиепископы, архимандриты и даже просто «попы», вызывало у сталинского наркома крайнее недоумение, «почему этих людей не перестреляли давно?»

Как видно из цифр, приведенных в ноябрьском сообщении Ежова Сталину, примерно половина арестованных архиереев и священников была расстреляна. Для мирян («церковно-кулацкого актива») этот показатель составлял более трети. При этом Ежов не выделял отдельно «тихоновцев», «обновленцев» или «григорьевцев». По его мнению, «существовавшие ранее грани между этими различными толками церковников и сектантов фактически более не существуют и поддерживаются руководящими церковниками и сектантами лишь формально, по тактическим соображениям»¹¹.

Приведенные Ежовым цифры, конечно, далеко не окончательные, уже потому, что охватывают они лишь неполные четыре месяца. За весь 1937 г., по данным НКВД, было арестовано 33382 «служителя религиозного культа», вместе с «сектантами» (в число которых могли включаться не только какие-нибудь баптисты или адвентисты, но и последователи оппозиционной Московской Патриархии «Истинно-Православной Церкви») этот показатель возрастал до 37331. В 1938 г. за «церковно-сектантскую контрреволюцию»

⁸ Там же. С. 407–408.

⁹ См.: Кривонос Ф., свящ. Белорусская Православная Церковь в XX столетии. Минск, 2008. С. 71.

¹⁰ Цит. по: Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2008. С. 331, 332.

¹¹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. С. 408.

было арестовано еще 13438 человек¹². Всего, по данным органов госбезопасности, к 1 ноября 1938 г. по так называемой кулацкой операции, по которой в основном и проходили «церковники», было осуждено 767397 человек, из них 386798 – расстреляно¹³. С учетом других репрессивных операций (национальных, например) общее число арестованных по следственным делам в 1937 г. возросло до 936750 человек, приговоренных к расстрелу – 353074; в 1938-м арестованных – 638509, приговоренных к расстрелу – 328618¹⁴. Суммарно получается 1575259 арестованных и 681692 расстрелянных.

В современной литературе со ссылкой на правительственную Комиссию по реабилитации жертв политических репрессий порой приводятся другие цифры, согласно которым за время «Большого террора» 1937–1938 гг. было арестовано 165200 православных священно- и церковнослужителей, из которых 106800 были расстреляны¹⁵. В действительности, такого количества священно- и церковнослужителей в Русской Церкви никогда не было, даже в самые благополучные для нее времена. Приверженцы зашкаливающих цифр ссылаются на книгу председателя Комиссии по реабилитации, бывшего члена Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева «По мощам и елей»¹⁶. Однако эта книга не являлась официальным изданием (сам автор определял ее жанр как «исповедь») и не содержала необходимых ссылок на источники. По всей видимости, приведенные «прорабом Перестройки» Яковлевым мифические данные, если и не придуманы им самим, то были почерпнуты из публицистики 1990-х гг. От их использования следует отказаться. Чудовищными являются уже те числа репрессированных «церковников», которые приводил Ежов и которые отражены в статистике НКВД. Нет никакой необходимости для иллюстрации масштаба террора завышать их еще в несколько раз, превращая тем самым в совершенно неправдоподобные.

Для сравнения можно привести сведения из базы данных ПСТГУ «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.» Эта база данных, конечно, далеко не полна, но зато, в отличие от статических таблиц, она содержит имена совершенно конкретных людей. На октябрь 2022 г. этих имен в ней насчитывается 36365 (без учета обновленцев, григориан и прочих раскольников), из них в 1937–1938 гг. было арестовано 12987 человек, а расстреляно – 8633¹⁷. По оценке специалиста в области статистического анализа, научного сотрудника ПСТГУ Н. В. Сомина, использовавшего так называемый метод двойников или довода, база данных «За Христа пострадавшие» наполнена примерно на треть¹⁸. Умножение вышеприведенных цифр на три (с учетом немалой погрешности предложенного Н. В. Соминим метода) в целом подтверждает данные статистики НКВД (и, соответственно, опровергает данные А. Н. Яковлева).

Что же касается числа репрессированных православных архиереев, имеющиеся исторические сведения близки к полноте и не требуют использования математических методов. По подсчетам докладчика, их за рассматриваемые годы было расстреляно 157, то есть абсолютное большинство. Еще пятеро из них скончались в тюрьмах и лагерях, иными

¹² См.: *Мозохин О. Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ (1918–1953). М., 2011. С. 461, 465.

¹³ *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. С. 276 (со ссылкой: ЦА ФСБ. Ф. 3 ос. Оп. 6. Д. 11. Л. 42).

¹⁴ См.: *Мозохин О. Б.* Право на репрессии. С. 457–458, 462.

¹⁵ *Дамаскин (Орловский), игумен.* Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период // Православная Энциклопедия. Русская Православная Церковь. С. 186.

¹⁶ *Яковлев А. Н.* «По мощам и елей» М., 1995. С. 94–95.

¹⁷ См.: Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. Электронный ресурс: <http://martyrs.pstbi.ru/> (дата обращения 25.10.2022).

¹⁸ См.: *Сомин Н. В.* К вопросу о числе репрессированных за православную веру в России в XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 3 (64). С. 105; *Он же.* Использование репрезентативной выборки для оценки числа пострадавших за веру в России в XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 87. С. 98–107.

словами, их не успели расстрелять. Так, например, Экзарх Украины митрополит Киевский Константин (Дьяков) в ноябре 1937 г. был забит насмерть во время допроса¹⁹.

Имеются данные и по ведущим раскольническим деятелям. Так, по подсчетам протоиерея Валерия Лавринова в 1937–1938 гг. было расстреляно 86 обновленческих «архиереев»²⁰, что составляло примерно половину от их общего числа. Как видно, хотя Ежов и считал, что «существовавшие ранее грани между этими различными толками церковников... фактически более не существуют», православных иерархов преследовали сильнее, чем обновленческих. Впрочем, что касается другого крупного раскола – григорианского, с его руководством обошлись самым жестоким образом: оно было уничтожено практически в полном составе, включая возглавлявшего это направление «митрополита» Виссариона (Зорина). При обыске у него было обнаружено более 200.000 рублей. Его признание, что значительные суммы использовались для оказания помощи репрессированным епископам и священникам, лишь усугубило в глазах НКВД его «вину»²¹. Сталину Ежов доложил, что Зорин – «агент Гестапо», а «организация, им возглавляемая, ставила своей задачей пропаганду террористических настроений среди верующих с тем, чтобы толкнуть участников на осуществление террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского государства»²². Всего по подсчетам протоиерея Валерия Лавринова в 1937–1938 гг. было расстреляно 13 григорианских архиереев, еще один скончался в тюрьме, а трое отправились в места заключения, на свободе остался лишь один «архиепископ Можайский» Филарет (Волокитин), который в 1940 г. попытался перейти к обновленцам, видимо, считая, что там безопаснее, но затем все равно был арестован²³.

Как «террорист» вполне мог быть расстрелян и глава Московский Патриархии митрополит Сергей (Страгородский). Обвинительные материалы против него были сфабрикованы НКВД в достаточном количестве. Так, например, митрополит Феофан (Туляков), согласно протоколу допроса от 31 августа 1937 г., показал: «Мы, руководители церковно-фашистского центра, считали, выражаясь фигурально, что в общем а[нти]советском хоре, в общей деятельности с троцкистами против Советской власти можно рассчитывать на большой успех в к[онтр]р[еволюционной] деятельности. В беседе с митрополитом Сергием в 1935 году он обратил мое внимание на это обстоятельство и высказал пожелание на возможность установления блока с троцкистами для общей борьбы с Советской властью. Мы тогда рассуждали так: “Если троцкисты пошли на убийство Советских государственных деятелей, то, стало быть, никаких препятствий к установлению блока между троцкистами и церковниками нет”. В связи с этим мы решили искать пути для осуществления этого блока»²⁴.

В апреле-июне 1937 г. были арестованы ближайшие сотрудники митрополита Сергия: управляющий делами Московской Патриархии протоиерей Александр Лебедев, его предшественник по должности управделами архиепископ Питирим (Крылов) и vicарный епископ Волоколамский Иоанн (Широков). Им троим были предъявлены схожие обвинения: «...принадлежал к антисоветской организации и вел контрреволюционную агитацию. Кроме того, будучи секретным сотрудником НКВД, расшифровался и двурушничал»²⁵. В ответ, согласно протоколу допроса от 10 июля 1937 г., архиепископ Питирим показал: «Да, в двурушничестве себя виновным признаю. Однако должен заявить, что мое двурушническое поведение явилось результатом того общего положения, которое существовало при управлении православной церкви, возглавляемой митрополитом

¹⁹ См.: Доненко Н., *прот.* Наследники Царства. Ч. 2. Симферополь, 2004. С. 308–324.

²⁰ См.: Лавринов В., *прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 29.

²¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-38959. Л. 112.

²² Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. С. 411.

²³ См.: Лавринов В., *прот.* Временный Высший Церковный Совет и его роль в истории Русской Православной Церкви (1925–1945). М., 2018. С. 144–147.

²⁴ Архив УФСБ РФ по Нижегородской обл. Д. П-6820. Т. 1. Л. 101.

²⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49429. Л. 1, 141, 161.

Сергием СТРАГОРОДСКИМ. <...> Митрополит Сергей СТРАГОРОДСКИЙ сам давал установки архиереям не только не отказываться от секретного сотрудничества с НКВД, но даже искать этого сотрудничества. Это делалось в интересах церкви, т. к. митрополит СТРАГОРОДСКИЙ понимал, что архиерей, заручившийся доверием местного органа НКВД, будет поставлен в более благоприятные условия по управлению подведомственной ему епархией, у него не будет особых неприятностей с регистрацией и вообще создастся какая-то гарантия от возможности ареста»²⁶. В итоге все проходившие по этому делу были приговорены к расстрелу и казнены, а материалы в отношении митрополитов Сергия (Страгородского) и Алексия (Симанского) следователь постановил «выделить в самостоятельное дело»²⁷. Не приходится сомневаться, каким был бы исход этого дела, если бы оно состоялось.

Однако митрополит Сергей в 1937–1938 гг. остался при исполнении своих обязанностей, а с ним еще четыре архиерея Московской Патриархии на территории СССР (включая архиепископа Калининского Палладия (Шерстенникова), который был арестован в 1939 г.). Немногим лучше дела обстояли у обновленцев. Ликвидировать полностью легальные церковные структуры Сталин не считал целесообразным, видимо, допуская, что они еще могут пригодиться. При этом в живых в основном оставались наиболее компромиссно настроенные деятели Церкви, в то время как лучшие ее представители последовательно истреблялись. Так, в 1937 г. были расстреляны Предстоятель Русской Церкви Патриарший Местоблюститель митрополит Петр (Полянский) и его бывшие заместители митрополит Иосиф (Петровых) и архиепископ Серафим (Самойлович), едва не избранный в 1926 г. Патриархом на тайных выборах митрополит Кирилл (Смирнов), сподвижники Патриарха Тихона архиепископы Фаддей (Успенский) и Николай (Добронравов) и многие другие. Впрочем, в соответствии с описанным выше подходом Ежова, церковным конформистам, вроде обновленцев, тоже особой пощады не было. Из примерно 50 000 храмов, бывших у Русской Православной Церкви до революции, к концу 1930-х незакрытыми оставалось несколько сот (официально – несколько тысяч, но в большинстве из них служб не было, поскольку из-за террора некому было служить). Священников, служивших в этих храмах, тоже насчитывалось лишь несколько сотен.

Степень ожесточенности ежовских репрессий в отношении «церковников» можно проиллюстрировать и еще одним образом. В начале 1937 г. для митрополита Ленинградского Алексия (Симанского) был составлен список подведомственного ему духовенства. К тому времени Ленинградская епархия значительно расширилась и фактически вобрала в себя епархии Псковскую, Новгородскую, Боровичскую, Череповецкую, Олонецкую – почти весь Северо-Запад РСФСР. В список митрополита Алексия было включено 1270 человек. Судьбу большей части этих клириков исследователи и публикаторы списка – А. А. Бовкало и А. К. Галкин – смогли установить. Они выяснили, что расстреляно из них было не менее 804 человек, что составляет 63% от общего числа и 80% от числа тех, чьи биографии оказалось возможным проследить. Лишь 26 клириков из 1270, то есть 2%, продолжали совершать богослужение без перерыва²⁸. При этом следует учесть, что в список митрополита Алексия попало только легально служившее в начале 1937 г. духовенство. Те, кто находился в тюрьмах и лагерях, в список включены не были, а они в годы «Большого террора» также составили значительную часть контингента расстрелянных. Кроме того, следует заметить, что в ведении митрополита Алексия тогда оставалась наиболее лояльная к советской власти часть духовенства Патриаршей Церкви. По подсчетам М. В. Шкаровского до 25% духовенства Ленинградской епархии ушло в конце 1920-х – 1930-е гг. в «иосифлянскую» оппозицию,

²⁶ Там же. Л. 151.

²⁷ Там же. Л. 308.

²⁸ См.: Алфавитный список клира Ленинградской области на 1 мая 1937 г. / Публ. А. А. Бовкало и А. К. Галкина. СПб., 2014. С. 7–9.

не принявшую просоветский курс Московской Патриархии²⁹. Репрессии в отношении «иосифлян» начались еще в конце 1920-х и были, во всяком случае, не менее жестокими, чем в отношении «сергиан». Можно предположить, что вычисленный А. А. Бовкало и А. К. Галкиным процент расстрелянных священнослужителей Ленинградской епархии (от 63 до 80) характерен и для других епархий Русской Церкви в СССР, поскольку установки органов НКВД на репрессии «церковников» были во всех областях сходными.

Можно, однако, взглянуть на все эти кровавые события и по-другому. Сталинско-ежовский террор, хотя и поставил Русскую Церковь на грань физического исчезновения, в духовном отношении стал для нее временем наивысшего плодоношения. Никогда более в своей истории она не прирастала святыми столь стремительно. Оценить это она смогла на рубеже XX–XXI веков, когда развернулся впечатляющий по своим масштабам канонизационный процесс. На данный момент ею поименно прославлено около тысячи подвижников, принявших мученическую кончину в 1937–1938 гг. Так величайшее злодеяние Сталина и его подручных, направленное против Русской Православной Церкви, послужило ее величайшей славе.

²⁹ См.: *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999. С. 19.